

Сергей Данилов

23 июня исполняется 111 лет со дня рождения Анны Ахматовой

«МАНГАЛОЧИЙ ДВОРИК» АХМАТОВОЙ

ПЕРЕСТУПИВ порог, я услышал удивительный, неповторимый тембр ахматовского голоса с характерными напевными интонациями. Анна Андреевна читала свое загадочное стихотворение «В зазеркалье», которого, по свидетельству современников, сама «немножко боялась»:

*Красотка очень молодая,
Но не из нашего столетья,
Вдвоем нам не бывать — та,
третья,*

*Нас не оставит никогда.
Ты подвигаешь кресло ей,
Я щедро с ней делюсь цветами...
Что делаем — не знаем сами,
Но с каждым шагом нам*

страшней.

*Как вышедшие из тюрьмы.
Мы что-то знаем друг о друге
Ужасное. Мы в адском круге,
А может, это и не мы.*

С декабря прошлого года в Ташкенте существует клуб-музей Анны Ахматовой «Мангалочий дворик», которому должно и нужно быть в узбекской столице: ведь когда в тяжелые 40-е годы эвакуационные дороги привели Анну Андреевну в этот город, невзгоды военного лихолетья были окрашены для нее дружеским теплом азиатской земли.

Клуб-музей, пожалуй, довольно точное название для этой выставки-экспозиции, которая нашла свое пристанище во дворце культуры Ташкентского тракторного завода. Самодеятельный музей собрал вокруг себя и членов клуба поэзии, театра и музыки имени Высоцкого, и литературного объединения «Под крылом Пегаса», и клуба книголюбов и литературной гостиной «Серебряный век».

Директор клуба-музея Альбина Маркевич — идеальный вдохновитель, средоточие немногочисленного круга людей, так или иначе причастных к пребыванию великой русской поэтессы в Ташкенте.

Задуман музей был давно. «При Русском культурном центре мы открыли Клуб Анны Ахматовой «Мангалочий дворик», — вспоминает Альбина Маркевич. — Почетным председателем клуба стала ташкентская писательница Зоя Александровна Туманова, которая была хорошо знакома с Анной Андреевной в годы своего отрочества. Близость с Ахматовой — это всегда очень сомнительная вещь, Анна Андреевна мало кого очень близко к себе подпускала, но в данном случае она прониклась огромной симпатией к юной Зое Тумановой, слушала ее стихи и читала свои, дарила девушке, влюбленной в ее поэзию, не только автографы — отдельные странички своих рукописей, — но и даже личные вещи».

Кроме Зои Александровны и Альбины Маркевич, идеей превратить клуб Ахматовой в музей прониклись несколько других

ташкентцев. Например, Хулькар Алимджанова — дочь известнейших узбекских поэтов Хамида Алимджана и Зульфии. Правда, сама Хулькар не была знакома с Анной Андреевной, но хорошо знает о ее жизни в Ташкенте со слов родителей.

В числе инициативной группы и знаток узбекской народной музыки Ки Дильбар Рашидова, которая тоже была знакома с Анной Андреевной, хотя познакомились они не в Ташкенте, а уже в Ленинграде.

Больше всего экспонатов для музея предоставила Наталья Георгиевна Зайко — дочь Софьи Аркадьевны Журавской, ташкентской подруги Анны Андреевны. Наталья Георгиевна утверждает, что и сегодня еще хранит память тепла и пожатия руки Ахматовой, которая ее, 4-летнюю девочку, во-

дарила на прогулки в сквер. В семье Зайко долгое время хранились письма, записки Анны Андреевны, адресованные ташкентской подруге, прочитать которые ныне можно в музее «Мангалочий дворик». Правда, это фотокопии — оригиналы были переданы Фонтанному дому в Ленинграде. Но и в ташкентском общественном музее есть экспонаты-подлинники — письма Корнея Чуковского, Фаины Раневской, Надежды Мандельштам, письмом самой Журавской, адресованное жене Вс.Иванова, но почему-то не посланное. В нем рассказ о трудной судьбе дочери Есенина Татьяна, которая в годы войны тоже оказалась в Ташкенте. Быть может, «Мангалочий дворик» не располагает достаточным количеством экспонатов, чтобы называться на-

стоящим музеем, но в нем организаторы постарались воссоздать уголок старого Ташкента, каким он был в годы пребывания в нем Анны Андреевны, тем более что Ахматова неоднократно говорила, что именно на узбекской земле она ощутила удивительную человеческую доброту, осознала, что это такое — «тьма древесная», «журчание вод». Здесь она вовсе не ощущала себя чужестранкой — «Кто посмеет сказать мне, что я здесь на чужбине». «Я не была здесь лет семьсот», — она ведь из чингизидов и фамилию взяла своей прабабки.

Ощущение Ташкента как чего-то близкого, коренного, родного, родственного ей, восприятие узбекской природы, здешних людей и обычаев отразилось в великолепных стихах Анны Андреевны, посвященных столице Узбекистана. Это целый цикл стихов: «Луна в зените», «Ташкентский цикл», «Ташкентские странички». Здесь, в Ташкенте, она продолжила и завершила «Поэму без героя». Да, дописывала ее до последних дней, но первая редакция завершена в Ташкенте.

В ташкентском музее Ахматовой нет ее подлинных вещей. Но собрано то, что все же позволяет представить простоту обстановки, в которой она жила в те далекие 40-е:

*Как в трапезной скамейки, стол,
окно*

*С огромною серебряною луною,
Мы кофе пьем и черное вино,
Мы музыку бредим. Все равно,
И зацветает ветка над стеною.
И в этом сладость острая была,
Неповторимая, пожалуй,*

сладость —

Бессмертных роз, сухого

винограда

Нам Родина пристанище дала.
Старинное потрескавшееся зеркало, чугунный уют, в который когда-то закладывались горящие уголья, латунный кофейник, глиняный кувшин, белоснежное полотенце, котел на мангале...

Дом, в котором она когда-то жила, к сожалению, не пощадила стихия — он был уничтожен землетрясением 1966 года. Правда, был еще один, где Анна Андреевна жила весьма короткое время — около месяца — его не пощадили уже сами люди. Использувавшийся в последние годы под склад, он попал под снос. Ахматовские поклонники обратились к ташкентским властям с просьбой не сносить этот дом, а предоставить его для музея Ахматовой, и просьба была поддержана посольством России в Узбекистане — но 4 года тому назад он был смят бульдозером, а его саманные останки вывезены на городскую свалку.

Ныне на этом месте высится 4-звездочный отель. Постояльцам невдомек, что когда-то по этой земле ходила, вдыхала запахи цветущего сада, слушала журчанье арыка и писала удивительные стихи та, что стала гордостью русской словесности. ■

Анна Ахматова. Ташкент. 1943 г.